ПРАВДА КАК ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассматривается феномен правды в древнерусской литературе. Имея в своей основе сочетание социокультурного, религиозно-политико-правового смысла, данное понятие определило особенности развития отечественной культуры в целом и политической в частности.

Ключевые слова: древнерусская литература; культура; правда; христианская истина; княжеская власть.

В рамках изучения процесса формирования политической культуры в Древней Руси особого внимания требует феномен правды. Это многогранное религиозное и социально-политическое явление обусловило формирование особого культурного фона в домонгольское время. Более того, в таком качестве правда продолжила своё существование в политико-культурном пространстве России и в последующих периодах её исторического развития. Правда становится главным критерием, на основе которого определяется принадлежность нравственной сфере тех или иных событий и процессов. Это нравственный императив человеческих поступков, основа взаимоотношений в обществе. Таким образом, понимание особенностей правды крайне важно для изучения формирующейся политической культуры в Древней Руси.

Зарождение понятия правды проходило в условиях многосложности формирования древнерусского культурного поля. Складывание двоеверной культуры обуславливало достаточно противоречивый характер формирующихся ценностей, в том числе тех, которые относятся к области политической культуры. Две мировоззренческие концепции – языческая и христианская – и определили природу правды.

Главным средством сохранения традиционных форм поведения в родоплеменном сообществе являлись ритуалы, обычаи, обряды. Причем стереотипы поведения не были рефлексированы, не подвергались критике, а принимались как данность, отступление от которой было под запретом. Исходно установленный архетипический порядок есть одновременно и нормативно должное, и подлинно сущее [1]. Для мировоззрения языческой Руси была характерна именно такая особенность. В древнерусском обществе было распространено обычное право, которое реализовывало изначально установленный миропорядок в виде совокупных предписаний. Правда заключалась в исправлении нарушенного порядка в соответствии с обычаем. Главную роль в этом играли народное собрание, племенной суд. Данные языческие особенности оказывали влияние на представления о правде и в христианский период. Например, языческое «поле» как судебный поединок (результат которого определялся высшей правдой, божественным заступничеством) перешло на представление о княжеских уособицах [2]. «Русская Правда» унаследовала большое количество особенностей обычного права, как правило, связанных с характером изложения способов восстановления исходного равновесия в обществе: «В древнерусских сборниках законов “правда” означает правильное, верное поведение в рамках обычая...» [3. С. 31]. Но всё же христианство существенно изменило представления об основе общественных отношений, и в том числе о ценностном начале таковых.

Восточнохристианское мировоззрение определило сущность правды как культурного феномена в целом. Исследование собственно религиозного (христианского) смысла правды возможно лишь во взаимосвязи с такими понятиями, как истина, благодать и закон. Впервые в древнерусской литературе этот вопрос был поднят митрополитом Киевским Иларионом в первой половине XI в. Образы «благодати», «закона», «истины» и «правды» являются краеугольными в его историко-философской и социально-политической концепции. Взаимодействие божественного и человеческого миров определено взаимодействием этих сущностей. Они описывают путь человека к Богу.

Вся система ценностей христианского общества восходит к высшей истине, которая заключается в Иисусе Христе. Божественный замысел состоит в спасении человека посредством крещения и праведной жизни. Но до явления христианской благодати по всей земле человечество существовало в «идольском мраке» – многобожии. Грешные люди – язычники, не знавшие истины, – не обладали силами для самостоятельного устремления к Богу, и он дает им закон через Моисея, «...чтобы, подобно оскверненному сосуду, человечество, будучи, как водою, омыто законом и обрезанием, смогло воспринять млеко благодати и крещения» [4. Т. 1. С. 27]. Закон – это та ступень на пути к вере в единого Бога, которая усмиряет людские пороки и страсти. По причине внешнего воздействия, а не внутреннего откровения он неотделим от наказания, причем достаточно жестокого. Это нормы регулирования общественных отношений, данные народу Иудеи извне. Но пришло время, когда на смену Ветхому Завету, утверждающему закон, явился Новый, открывающий истину. «И не теснится уже человечество в (ярме) закона, но свободно шествует под (кровом) благодати» [4. Т. 1. С. 31]. В этих словах Илариона отражается новозаветный посыл: «и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 7; 32).

Таким образом, открывший в себе христианскую истину облачил себя спасением небесным, а не утверждением земным и поэтому свободен, т.к. чистые помыслы не расходятся с делом.

Само слово «благодать» известно ещё со времен Ветхого Завета. «В Древней Руси слово “благодать”... имело несколько значений: ниспосланной свыше спасительной силы и помощи, милость, добро, доброта, дар, благодарность, добродетель. Чаще всего “благодать” – богословское понятие, обозначающее божественную силу, даруемую от Бога к человеку для спасения...» [5. С. 35]. Например, Иларион подразумевает под благодатью Божью милость, некую энергию, которая покрывает человека при крещении и ведет его к спасению; она сравнивается с источником, который

«исполнившись водой и покрыв всю землю, разлился и до пределов наших» [4. Т. 1. С. 39]. Истина же не что иное, как Иисус Христос и христианское учение.

Само понятие «истина» также требует определения в рамках изучаемой проблемы. Слово «истина» старославянского происхождения, восходящее к прилагательному истъ, которое имеет значение – подлинный, настоящий, действительный, точный [6. Т. 2]. «...Во всех подходах имеется... понимание истины через связь с определенным, стабильным порядком (природным или правовым). Исходный устойчивый порядок есть основа истины...» [1. С. 44]. Истина в христианском понимании, заключающаяся в Боге – создателе всего сущего, является главнейшей ценностью. Процесс познания истинного Бога – её неотъемлемая часть: «Господи Боже! ...и сверши то, что насадила десница твоя – этих новых людей, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного» [7. Т. 1. С. 169]. В этом обращении Владимира к Богу присутствует мотив откровения – познания сквозь сердце, которому подчинен и разум. «Категория сердца выполняет интегрирующую, объединяющую функцию в древнерусской философии, для которой, как и для восточнохристианской мысли в целом, было характерно единство «делания» и «созерцания», основанное на глубокой имманентной взаимосвязи ученой и простой житейской мудрости» [3. С. 32]. На основе этого и строятся взаимоотношения в христианском народе. Разум может действовать только через сердце: любой поступок, действие, историческое событие проживается, чувствуется – нет места анализу и отвлеченной рассудительности. Мысли и поступки едины, одно немислимо без другого. Бог посредством своей благодати открывает путь к истине, по которому можно идти лишь праведникам.

Правда – это слияние должного и сущего, это выражение божественной истины в человеческой реальности. В тварном мире, в общественной жизни она является и в судебных установлениях, и в уставах земли (законах государства), и в ежедневной жизни христианского народа, живущего по правде. Согласно христианской мировоззренческой установке правда только одна – не существует иных её выражений: земных, природных и т.д. Такая божественная сущность правды как выражения абсолютной истины – истины Христа – задает высокий уровень требований к её политическому и правовому воплощению в человеческой жизни.

Сущность правды глубоко выражена в политико-правовом измерении. В древнерусской литературе все грани общественных отношений связываются с принципами праведности. Правовые и политические проблемы, вопросы, касающиеся власти, её легитимности, взаимоотношений князя, аристократии и простого люда – всё это выстраивалось на основе правды. Христианские представления древнерусских мыслителей о правде не могли не отражать некоторые языческие идеационные установки народа, но всё же они привносили и новые, принципиально иные идеи.

Понятие «правда» во многом определило формирование в отечественной политической культуре образа идеального общества. В этом плане представляет интерес историософская концепция Илариона Киевского. А.Ф. Замалева пишет: «Иларион... вкладывал в поня-

тие ветхозаветного закона смысл узконациональной правовой нормы, обычая и противопоставлял его евангельской истине, которая, на его взгляд, нераздельна с благом, спасением всего человечества» [8. С. 112]. Представляется, что главное различие между иудейским законом и христианской благодатью заключается и в способе претворения в жизнь, и в телеологическом аспекте. «...Иудейство посредством тени и закона оправдывалось, но не спасалось. Христиане же поспешением истины и благодати не оправдываются, но спасаются» [4. Т. 1. С. 31]. Законом человек пытается оправдать (в том смысле, что утвердить) свои поступки, приспособить, привести их в соответствие с установленной нормой, дабы избежать наказания на земле, но о его настоящих помыслах речи не идет. Проявляя себя, благодать спасает христиан «в будущем веке» [4. Т. 1. С. 31], и поэтому здесь важны не только поступки, но и мысли их сердца. «Для Илариона очевидно, что благодать, упраздняя закон, приводит тем самым к уничтожению рабства. Закон сменяется благодатью, рабство – свободой» [8. С. 112]. Правда как проявление высшей истины и благодати свободна от давления формализма и внешней регламентации, приоритетное место здесь занимает нравственная составляющая.

На Руси существовали правовые нормы, сборники законов и т.д. И нельзя утверждать, что все они представляли абсолютное единство этического и формально-юридического содержания. В них зачастую выражались принципы обычного права (традиции, обычаи и пр.). По некоторым характеристикам они были сходны с образцами византийского права (это вполне естественно, т.к. правовое византийское наследие было известно на Руси). Но такие сходные моменты не умаляли особенностей становления духа русского права. «И после того как в политической теории и практике понятие “правда” было заменено понятием “закон”, под последним продолжали подразумевать прежнее содержание – этическую правильность» [9. С. 10].

Сквозь призму этого понятия прошел вопрос и о происхождении Русского государства.

В первую очередь стоит обратиться к факту призвания варягов на Русь. «В год 6370 (862). Изгнали варягов за море, и не дали им дани. И начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица. И стали воевать сами с собой» [7. Т. 1. С. 75]. Тогда обратились они к варягам за морем с просьбой владения и устранения неправды. В целом данный момент призвания включает в себя две составляющие. Первая представляет внутреннее согласие и непротivление со стороны русского народа по отношению к призванным правителям: не возникло элемента унижения, подавления, ощущения внешнего насилия. Другая составляющая, неразрывно связанная с первой, подразумевает справедливое, гуманное, уважительное отношение правителей к призванному их народу. Таким образом, принцип правды (необходимости её установления), лежащий в основе возникновения Русского государства, включает в себя понимание и покорность со стороны народа в ответ на обязанность власть предержащих хранить истину. Насилие не является неотъемлемым элементом происхождения государства. Конечно, факт призвания варягов как момент образования Русского государства далеко не бес-

спорен, но в данном вопросе интересно его осмысление в литературе Древней Руси.

Возникновение Русского государства было предопределено богом во имя великой цели: принятия божественной Благодати. Но ошибочно считать, что Божья правда явилась русской земле только после принятия христианства – она давала знать о своём существовании и до этого, что подтверждается словами о политике Владимира: «И когда во дни свои так жил он справедливо, с твердостью и мудростью пас землю свою... призрело на него око прелюбного Бога» [4. Т. 1. С. 45]. То есть Русь изначально носила высокое предназначение, которое ждало своего часа, когда «воссиял в сердце его (Владимира. – Д.Т.) (свет) ведения» [4. Т. 1. С. 45].

Все мыслители Древней Руси говорят о том, что политика князя должна основываться на правде. Рассматривая представление о праведной политике, стоит обратиться к творчеству Владимира Мономаха, к его «Поучению». В целом это произведение является нравственной проповедью, в которой помимо этических воззрений присутствуют и политические идеи. Правда, в представлении Мономаха, одна из высших ценностей, которой должны руководствоваться люди в своей жизни, а особенно князь. Праведная политика предполагает праведный суд, на основе христианских этических норм. Одно из главных условий осуществления правды – отсутствие смертной казни: «Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его... не губите ни никакой христианской души» [10. Т. 1. С. 463]. Великий князь обязан защищать «убогого», немощного, слабого: «...убогих не забывают... по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека» [10. Т. 1. С. 463]. Правда должна быть основой и междукняжеских отношений: мыслитель призывал к согласию и миру, к отказу от вражды и кровопролития. В обращении к Олегу Святославичу, по поводу убийства своего сына Изяслава в битве с Олегом,

Мономах призывает к примирению: «И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, то напиши грамотку с правдою, тогда и власть получишь добром и наше сердце обратишь себе и лучше будем, чем прежде: не враг я тебе, не мститель» [10. Т. 1. С. 475]. Таким образом, правда обуславливает нравственную природу политики в целом и княжеской власти в частности.

Точка зрения Даниила Заточника, сторонника сильной единодержавной власти, не имеет принципиальных отличий от представлений других мыслителей Древней Руси касаясь правды. Он призывает князя к милости, щедрости, человеколюбию [11. Т. 4].

Правда – главный элемент христианского правления. Образ князя представляет собой единение «благочестия» и власти: первое является условием легитимности второго. Правитель должен любить Бога (Иларион называет Владимира «христоролюбом»), и как следствие он – «друже правде, вместилище разума, средоточие милости» [4. Т. 1. С. 47]. «Единодержавие» не противоречит правде, а наоборот: государь является её защитником и гарантом в обществе. Данный мотив присутствует и в Повести временных лет: «Если же какая страна станет угодной Богу, то ставит он ей... князя праведного, любящего справедливость и закон... если же князя справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то ещё больше зло насылает Бог на страну ту, потому что князь – глава земли» [7. Т. 1. С. 183]. Народ чувствует такое высокое предназначение княжеской власти и поэтому смиренно принимает её.

Таким образом, правда является интегрирующим понятием, в которое включены религиозные, правовые и политические смыслы. Это социокультурный феномен, ярко выраженный в области политики. Большинство формирующихся ценностей политической культуры в Древней Руси в своей основе обнаруживают именно принципы правды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляции // Полис. 1999. № 5.
2. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М., 2007.
3. Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В. Моральная философия в России: становление основных понятий (XI–XVII вв.) // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1996. Вып. 3.
4. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Иллариона // Библиотека литературы древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997.
5. Овчинникова Е.А., Чумакова Т.В. Категории блага и добра в русской философской мысли // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 1999. Вып. 4.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. 2.
7. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997.
8. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л., 1987.
9. Баркалов В.Я. История политических учений в России XI–XVIII вв. Барнаул, 1992.
10. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII вв. СПб., 1997.
11. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4: XII в. СПб., 1997.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 ноября 2008 г.